

«AFFAIRE DU TÉLESCOPE»: ПОХИЩЕНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Михаил Велижев
(Москва)

«Темные» обстоятельства публикации первого «Философического письма» в 15-м номере «Телескопа» за 1836 год породили целый ряд совершенно невероятных слухов: московские свидетели истории пытались найти минимально разумные (с их точки зрения) объяснения тому коллективному помрачению рассудка, которое постигло автора статьи, типографщика, издателя и цензора журнала. Злонамеренность Надеждина у большинства наблюдателей никаких сомнений не вызывала: репутация издателя как не знающего приличий скандалиста-семинариста работала против него¹. Даже самым осведомленным современникам казалось вполне правдоподобным, что Надеждин мог обмануть Болдырева, воспользовавшись пристрастием цензора к карточной игре. И что куда более удивительно: вероятной представлялась и способность якобы наивного, чрезмерно доверявшего Надеждину Болдырева «обмануться», напрочь забыть о своих профессиональных обязанностях. Как мы уже писали в поздравительном сборнике, адресованном одному из соавторов настоящего юбиляра², версия об обмане Болдырева решительно не соответствует действительности — цензор пропустил статью вполне осознанно. Вторая линия московских слухов, связанных с необходимостью как-то истолковать произошедшее осенью 1836 г., касалась матримониальных планов Надеждина и неожиданной роли, которая отводилась в этих расчетах Чаадаеву.

Основным источником версии о матримониально-конспирологической подоплеке чаадаевской истории служат воспоминания Н.Н. Мурзакевича, тесно общавшегося с Надеждиным в Одессе в конце 1830-х – начале 1840-х гг. Мурзакевич в своих «Записках» разоблачал Надеждина: с точки зрения мемуариста, бывший издатель «Телескопа» в рассказе о мотивах своих действий скрыл правду. Надеждин утверждал, что не понял смысла первого «Философического письма», но на самом же деле им руководили совершенно иные соображения:

Надеждин (не знаю точно — в это время, или немного раньше) жил домашним учителем в доме богатого московского помещика Сухово-Кобылина и давал уроки его несовершеннолетней дочери. С расчетом или без расчета, страстишки учителя разыгрывались, и кончились было тем, что девушка, в один вечер, должна была захватить с собой материнский ларец, тихонько выдти и обвенчаться. Все дело увоза обещал устроить Чаадаев. Неизвестно, почему план расстроился и как в семье обнаружился; но Надеждин, именно за эту услугу, пропустил статью в печать, и даже присоединил свое хвалебное примечание, что ей будет продолжение, которого за прекращением редакции и журнала, разумеется, не явилось. Вот как мне все это дело изложил Ф.Л. Морошкин, живший после Надеждина в доме Сухово-Кобылиных. Это же подтвердил и А.Д. Чертков³.

Впоследствии эта версия событий фиксировалась и в ряде исследовательских работ⁴. Занимавшиеся сюжетом истории литературы единодушно возводят его к высказываниям Ф.Л. Морошкина и А.Д. Черткова. Если Чертков в целом отличался большой осведомленностью в московских делах, то Морошкин был непосредственным

¹ Подробнее см.: Махов А.Е. Журнал «Телескоп» и русская литература 1830-х годов / Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 1985.

² Велижев М.Б. «Affaire du Télescope»: К цензурной истории 15-го номера «Телескопа» за 1836 год // И время и место: Историко-филологический сборник к 60-летию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 226–234.

³ Мурзакевич Н.Н. Записки // Русская старина. 1887. № 6. С. 661.

⁴ См., например: Кошелев В.А. Вологодские давности. Литературно-краеведческие очерки. Архангельск, 1985. С. 170; Наволоцкая Н. «Дело Чаадаева». Документальная версия // Книгочей. Библиографический справочник для дела и досуга. Вып. 4. М., 1999. С. 74–85.

свидетелем столкновения, случившегося в доме Сухово-Кобылиных, — подобно Надеждину, будучи одним из наставников Елизаветы Сухово-Кобылиной, он жил в этом семействе одновременно с издателем «Телескопа» и мог все видеть своими глазами. Очевидно, именно Морошкин и являлся главным источником слухов. Участие Чаадаева в планах похищения Елизаветы серьезной верификации не подлежат, между тем было бы интересно понять, почему возникла эта версия и имела ли она под собой хотя бы частичные основания.

История любви Надеждина и Сухово-Кобылиной в основных чертах описана в научной литературе вполне адекватно⁵. Летом 1834 г. учитель и его подопечная сблизилась, между ними возникло глубокое и взаимное (но, кажется, совершенно платоническое) чувство. Вскоре родители Елизаветы Васильевны спохватились и постарались всячески воспрепятствовать воссоединению влюбленных, не без оснований считая возможный матримониальный союз мезальянсом. Перед Надеждиным встала очевидная проблема: каким образом он, выходец из духовного сословия и профессор Московского университета, может вступить в брак с дочерью знатного московского дворянина? Надеждин, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, выбирал между тремя возможными сценариями: он мог, во-первых, поступить на государственную службу и обрести социальный статус, который сделал бы его женихом, достойным Сухово-Кобылиных, во-вторых, увезти возлюбленную и тайно с ней обвенчаться в надежде на скорое прощение родителей, в-третьих, воздержаться от какого бы то ни было действия вообще и рассчитывать на снисхождение родителей Елизаветы, которые могли со временем смягчиться при виде душевных страданий собственной дочери. Надеждин попытался последовательно пойти по каждому из трех путей. Так, в начале 1835 г. он уволился из Московского университета, отправился в Петербург, искал высоких покровителей для продвижения по службе, завязал (через посредство С.Т. Аксакова) дружеские отношения с директором канцелярии министерства финансов и будущим попечителем Одесского учебного округа Д.М. Княжевичем и отправился вместе с ним в заграничное путешествие. Вскоре, впрочем, стало понятно, что радикальное изменение профессиональной карьеры Надеждину не грозит. По-видимому, именно к 1835 г. относятся планы похищения возлюбленной. «Теоретический» роман Надеждина и его абсолютная неспособность совершить какой бы то ни было решительный поступок были язвительно высмеяны А.И. Герценом в четвертой части «Былом и думах»: со слов якобы участвовавшего в афере Н.Х. Кетчера, Надеждин заснул в ожидании возлюбленной и тем сорвал дело. Наши данные не позволяют сделать однозначный вывод об истинности этой истории⁶. Вместе с тем, намерения похитить Сухово-Кобылину у Надеждина, по всей вероятности, были. О них мы узнаем, например, из письма Надеждина к С.Т. Аксакову от 7 ноября 1835 г. из Симферополя: «Последним письмом моим из Киева я предоставил вашей дружбе полное распоряжение моею судьбою... Что вы придумаете, то пусть и будет!.. Кажется, однако — что, в отношении к главному — я должен буду остановиться на вашем совете: ждать всего от времени — терпеть и надеяться... Что касается до насильственных мер — не годятся!.. Кровью подписываю я это ужасное решение, но что же делать?.. Страшуся не за себя... Я — так бы уже и был... Но!..»⁷. Как следует из

⁵ См.: К биографии профессора Н.И. Надеждина // Русский архив. 1885. № 8. С. 581–583; Козмин Н. Н.И. Надеждин и Е.В. Сухово-Кобылина (Евгения Тур) (по новым данным) // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 2. С. 272–303; Гроссман Л. Театр Сухово-Кобылина. М., 1940; Рудницкий К. А.В. Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества. М., 1957; Бессараб М. Сухово-Кобылин. М., 1981; Махов А.Е. Журнал «Телескоп» и русская литература 1830-х годов.

⁶ Так, Н.К. Козмин считал, что этот эпизод является вымыслом: Козмин Н. Н.И. Надеждин и Е.В. Сухово-Кобылина (Евгения Тур) (по новым данным). С. 284–285.

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 23. Ед. хр. 47. Л. 22.

процитированного письма, к началу 1836 г. Надеждин от похищения возлюбленной уже отказался.

Весной 1836 г. стало понятно, что издатель «Телескопа» окончательно выбрал третий сценарий. В июне 1836 г. Елизавета Васильевна вместе с сестрой и матерью уехала из России, а Надеждин так ничего и не предпринял для устройства брака со своей возлюбленной, решив дожидаться окончания ее путешествия, которое предположительно должно было продлиться два года. Ситуация, как известно, развивалась иначе: практически в то же самое время издатель «Телескопа» вступил в переговоры с Чаадаевым относительно эдиционных перспектив «Философических писем», опубликовал первое из них и был отправлен в ссылку, чем окончательно похоронил всякие надежды вступить в брак с Е.В. Сухово-Кобылиной, вскоре вышедшей замуж за гр. А. Салиаса-де-Турнемир.

Многие из подробностей истории 1835–1836 гг. почти наверняка были известны Ф.Л. Морошкину, близкому к родителям Елизаветы — Василию Александровичу и Марии Ивановне Сухово-Кобылиным. Распуская слухи об участии Чаадаева в увозе Елизаветы Васильевны, Морошкин, несомненно, отдавал себе отчет в фантастичности этой версии. Зачем понадобилось Морошкину именно так интерпретировать историю? Письма Е.В. Сухово-Кобылиной к Надеждину дают однозначный ответ на этот вопрос: Морошкин был лично заинтересован в окончательной дискредитации Надеждина в семействе Сухово-Кобылиных. Дело в том, что в 1836 г. сам Морошкин ухаживал за Елизаветой Васильевной. 27 января 1836 г. Сухово-Кобылина писала Надеждину: «Ф<едор>.Л<укич>. этот подделывается ко мне, а какое письмо писал — чудо! и всё ничего!.. я лед!..»⁸. Будущая писательница, как свидетельствуют и ее воспоминания⁹, терпеть не могла Морошкина и предполагала, что он сознательно стремится оклеветать соперника, дабы добиться благосклонности ее родителей¹⁰. Таким образом, у Морошкина имелся конкретный мотив, побуждавший его распространять заведомо ложные сведения о Надеждине. История, рассказанная Морошкиным, была с невероятным энтузиазмом воспринята Мурзакевичем, что также вполне закономерно: как следует хотя бы из приведенного отрывка из «Записок», мемуарист откровенно не любил бывшего издателя «Телескопа» и с удовольствием передал рассказ о его нравственном падении. Гораздо интереснее случай А.Д. Черткова: никаких свидетельств о его неприязненном отношении к Надеждину у нас нет. С одной стороны, Чертков был дружен с Морошкиным (с чьих слов он, вероятно, и услышал историю о матримониальной подоплеке «телескопического» скандала), с другой — он давно знал Чаадаева, встречался с ним за границей и затем, вероятно, в Москве (например, в интеллектуальных салонах или в Английском клубе, членами которого они оба были)¹¹. Чертков с 1835 г. активно сотрудничал (в деле управления Натурным классом) и с М.Ф. Орловым, хорошо осведомленным об обстоятельствах появления первого «Философического письма» в печати¹². Кроме того, Чертков был дальним родственником С.Г. Строганова, с которым впоследствии рассорился¹³, однако в 1836 г. он вполне мог получить сведения о ходе чаадаевского дела от московского попечителя, активно пересказывавшего содержание их с Чаадаевым конфиденциальных разговоров¹⁴. В свете этих деталей совершенно неясно, каким образом

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 25. Ед. хр. 494. Л. 367.

⁹ См.: Пенская Е.Н. Учителя и ученики в семействе Сухово-Кобылиных (К проблеме биографических корней историософии автора драматической трилогии «Картины прошедшего») // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 42. Р. 39–59.

¹⁰ Так, она писала Надеждину 2/14 октября 1836 г. из Кельна о Морошкине: «О берегись его — это змея — и он тебя ненавидит!... Это наш демон привязал его так ужасно к судьбе нашей» (РО ИРЛИ. Ф. 25. Ед. хр. 494. Л. 424).

¹¹ См.: Фролова М.М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М., 2007. С. 173–183, 359–363.

¹² Там же. С. 376–377.

¹³ Там же. С. 182–183, 312.

¹⁴ См.: Велижев М.Б. Комментарий // Чаадаев П.Я. Избранные труды. М., 2010. С. 896–897.

Чертков мог подтвердить рассказ Морошкина. Понятно, что на первый взгляд матримониальная конспирология выглядела не лишённой основания. Слухи восходили к прямому свидетелю, вхожему в семейство Сухово-Кобылиных. Сведения о «преступных» планах Надеждина похитить Елизавету Васильевну вполне могли распространиться в обществе. Так, в эту версию событий верил и близкий к Надеждину И.В. Селиванов, который в своих воспоминаниях привел полный список заговорщиков: Надеждин, Чаадаев, Кетчер, Белинский и И.В. Селивановский (впрочем, почему-то приславший вместо себя фактора собственной типографии Соникова)¹⁵.

Вероятно, здесь сказался мифопорождающий потенциал «телескопической» истории, вне которого трудно понять ее дальнейшую репутацию (например, то истолкование, которое получили события 1836 г. в статье Герцена «О развитии революционных идей в России»). Даже весьма информированные современники, пытаясь расшифровать поведенческую прагматику участников коллизии, оказались подвержены влиянию самых нелепых домыслов, которые тем не менее давали ясный ответ на волновавший их вопрос. Отсутствие каких бы то ни было рациональных доводов, способных истолковать выходящее за рамки повседневной практики событие — появление в печати настолько неподцензурного текста — и сделало этот сюжет столь привлекательным для дальнейшей идеологизации и способствовало возникновению различных мнимо-рациональных объяснительных моделей.

Версия увоза невесты как основного мотива поступков Надеждина была, по-видимому, сформулирована в конце 1830-х гг. В целом, она соответствовала горизонту культурных ожиданий современников: идея похищения возлюбленной, восходящая к «Новой Элоизе» Ж.Ж. Руссо, отразившаяся в современной Надеждину и Сухово-Кобылиной русской литературе и имевшая хорошо известные рефлексии в жизни аристократического общества того времени¹⁶, вероятно, не представлялась свидетелям чаадаевского сюжета заведомо бессмысленной и, напротив того, могла волновать «романтическое воображение». «Матримониальная» составляющая истории 1836 г. имела довольно любопытное развитие в литературе, что существенно усложнило однозначную интерпретацию сюжета.

Так, сам Надеждин в повести «Сила воли», созданной в 1839 г. и вышедшей в 1841 г. во втором томе альманаха «Сто русских литераторов» и имевшей явный биографический подтекст¹⁷, описал попытку похищения возлюбленной и тем самым как бы утвердил осведомленных читателей в предположениях относительно его собственной любовной стратегии. Герой повести граф Сильвио (прототипом которого был сам Надеждин) увлечен юной и чувствительной Анджеликой, родственники препятствуют их воссоединению и тогда Сильвио решает бежать с предметом своей страсти. Они договариваются со священником, однако в решающий момент Анджелика отказывается от встречи: «Обязанности дочери вступили в бой с исступлением любви»¹⁸, с матерью героини случается нервический припадок, дочь не может оставить мать одну. В этот момент в повести возникает посторонний «политический» сюжет, структурно совпадающий с функцией чаадаевского дела в биографии самого Надеждина. Сильвио оказывается ложно обвинен в неблагонадежности и вынужден бежать, после чего — уже через некоторое время — он узнает о неверности возлюбленной, вышедшей замуж за другого (подобно Елизавете Сухово-Кобылиной). Одна из реплик Сильвио,

¹⁵ См.: Наволоцкая Н. «Дело Чаадаева». Документальная версия. С. 80.

¹⁶ См.: Гласе А. Из чего сделалась «Метель» Пушкина // Новое литературное обозрение. № 14 (1995) С. 89–101.

¹⁷ Об этом писал еще Н.К. Козмин: Козмин Н. Н.И. Надеждин и Е.В. Сухово-Кобылина (Евгения Тур) (по новым данным). С. 301–303.

¹⁸ Надеждин Н.И. Сила воли. Воспоминание путешественника // Сто русских литераторов. Т. 2. СПб., 1841. С. 498.

рассказывавшего историю собственной жизни, как представляется, прямо соотносится с содержанием московских и одесских разговоров: «После мне не раз случалось слышать мою историю, в роде любопытного анекдота, от людей, которые не подозревали, как близко она до меня касается. Я видел, что никто не знает ее истинно: всякий обезображивал и переиначивал ее либо выпусками, либо прибавлениями»¹⁹. Это утверждение повторил в своем письме к М.Л. Огаревой от 27 марта 1839 г. Н.П. Огарев из Белоомута, где он виделся с отцом Надеждина: «Нет, я не виню Надеждина. Много, кажется, говорили про него ложного»²⁰.

Много лет спустя, уже дебютировав в литературе как Евгения Тур, Елизавета Сухово-Кобылина ответила на аргументы своего бывшего поклонника. Так, в светской повести «Старушка», вышедшей уже после смерти Надеждина, она описала любовную коллизию, местами до мельчайших деталей напоминая обстоятельства романа Елизаветы с издателем «Телескопа». Герой повести, бедный, но благородный Леон Томский, влюбленный и любимый Стеней, дочь знатного и богатого московского дворянина, вынужден объясниться с ее отцом. Леон утверждает, что готов увезти Стеню, на что следует реплика возмущенного родителя: «А я не дам ей ни гроша денег. Вы рассчитываете на богатую невесту, а женитесь на нищей. Мало того, я прибегну к законам, которые запрещают похищения, и вся ваша будущность будет разрушена в прах. Увозите ее и живите с ней, где хотите; не думаю, чтобы она была счастлива без моего благословения»²¹. Этот довод оказывается решающим — Леон оставляет возлюбленную и уезжает из Москвы служить на Кавказ. Однако продолжение истории расходится с биографической канвой и, как представляется, является своеобразной репликой на описание, данное Надеждиным в «Силе воли». Герою Евгении Тур удается достичь служебных высот, т.е. он реализует сценарий, который желала для Надеждина Елизавета Сухово-Кобылина. Леон возвращается в Москву и женится на Стене. Вместе с тем, проблема совсем не решается, но, наоборот, парадоксальным образом усугубляется: отвергнув «романтический» сценарий в пользу «прагматического», Леон радикально меняется — он становится жаден, расчетлив и в решающий момент отказывается защитить честь своей супруги, которая, в свою очередь, понимает, что у нее с мужем нет никакой душевной близости. Евгения Тур трансформирует конфликт, переводя его в сферу принципиальной и трагичной неразрешимости и безнадежности любовной коллизии, мотивированной светскими правилами приличия. Увоз невесты интерпретируется здесь как главный пункт проверки любовника на состоятельность — отказ похитить Стеню сигнализирует о фактическом крахе матримониального поведения персонажа, хотя тем самым он и приближает себя к формальному сватовству и браку. Нерешительность Надеждина именно в совершенно конкретном деле похищения возлюбленной, а вовсе не мнимая неверность Елизаветы, была основной причиной расстройств отношений влюбленных. Очевидно, что при всей невероятности версии о любовной подоплеке «телескопического» скандала участники истории еще долгое время продолжали осмысливать произошедшее, хотя уже и без всякой связи с Чаадаевым. Циркуляция рассказа о похищении Сухово-Кобылиной таким образом накладывалась на публичные литературные высказывания самого Надеждина, которые существенно усложняли картину и давали повод для дальнейших спекуляций на эту тему.

В заключение заметим, что определенную роль в распространении слухов о помощи, которую Чаадаев якобы посулил Надеждину в деле извлечения Елизаветы Сухово-Кобылиной из родительского дома, могло сыграть и то обстоятельство, что они были пущены в ход еще до 1842 г. Иначе — вне зависимости от фактических оснований для такого рода предположений — рассуждавшие о Надеждине Морошкин или Чертков

¹⁹ Там же. С. 507.

²⁰ Литературное наследство. Т. 51. М., 1953. С. 850.

²¹ Повести и рассказы Евгении Тур. Т. IV. Старушка. М., 1859. С. 111.

рисковали бы напомнить своим слушателям известного персонажа «Похождений Чичикова, или Мертвых душ»:

На вопрос, точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку и правда ли, что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, Ноздрев отвечал, что помогал и что если бы не он, то не вышло бы ничего, тут он и спохватился было, видя, что солгал вовсе напрасно и мог таким образом накликасть на себя беду, но языка никак уже не мог придержать. Впрочем, и трудно было, потому что представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, где находилась та приходская церковь, в которой положено было венчаться, именно деревня Трухмачевка, поп отец Сидор, за венчание 75 рублей, и то не согласился бы, если бы он не припугнул его, обещаясь донести на него, что перевенчал лабазника Михайла на куме, что он уступил даже свою коляску и заготовил на всех станциях переменных лошадей. Подробности дошли до того, что уже начинал называть по именам ямщиков²².

²² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 7. Кн. 1. М., 2012. С. 196–197.